Автор: Субъектив
06.01.2013 21:13

Обещал по окончании сказать несколько слов о прошедшем конкурсе... Слов будет пять: "Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...".

Произведения располагаются по порядку -
в соответствии с присвоенными им конкурсными номерами.

Наталья РЕЗНИК

* * *

От меня до тебя, увы, не мостят дорог,
От тебя до меня, увы, дорог не мостят.

А на город наш вчера пролился поток.
Нас чуть не смыло. Так говорят в новостях.

И не стало б нашего города, а зачем?
Без него на свете таких же полно других,
Без него для стихов найти можно сотню тем
И от стенки до стенки ночью считать шаги.

Ты же знаешь, наш город невероятно мал.
И житель всего один - для него как раз.
Так вот, когда ты во сне меня обнимал,
Ты целый город от наводненья спас.

Борис КУТЕНКОВ

* * *

Теперь – о чём? О звоне колоколен,
о мышцах виноградин и давилен.
Се человек: силён – а стал безволен,
се артефакт: был волен – стал бессилен.
- Ну как же так, ведь при тебе, ragazzo,
бинты, лекарства, чистая водица.
- Иные лица среди прежних декораций.
Мне страшно. Надо заново родиться.

Спустись к реке, где кисть моя тонка,
где двое до последнего мазка
исследовали положенье звука,
не понимая: дело языка –
не дело рук, но – приложивших руку.
Ещё, ещё, несмелая рука
запечатлит на уголке портрета:
среди неполучившегося лета
на всём стоит печать черновика.

- Да ты о чём? Неужто стал безроден?
- Да всё о том: был смысл – и вот украден.
Но – как всегда: о тайнах подворотен,
колоколах, о звоне виноградин.

Лариса МАХОТКИНА

Аранжировка дождя

Автор: Субъектив
06.01.2013 21:13

Я начинаю дождь как пьесу для фагота.
Он медленно гудит в округе и окрест.
И я тревожно жду одной заветной ноты —
когда фагот умрет, когда взойдет оркестр.

Я терпеливо жду волненья и простора
(волненья для души, простора для идей)
и медленно живу для власти дирижера.
А он — не человек, он — вымысел людей.

Он снова дирижер. Как вечно. Как внезапно.
Не верить не хочу. И счастлива вверять
его заботам — Рок, Вчерашнее и Завтра —
не чая уберечь, не мысля потерять.

...Задумайся, замри в неведеньи просторном.
Вот крыши расцвели. Вот меркнут фонари...
Я продолжаю дождь как тему для валторны
(всегда хотелось знать, что у нее внутри!).
Валторна унесет мятежные признанья.

Валторна утаит подробности беды...
Ты скажешь: «Это дождь...»
А я скажу: «Не знаю...»
Но дождь, конечно, дождь, круговорот воды...

...Ах, помню... Тоже — дождь. Удушливый. — Угарный
Он в городе торчал, как пьяный гарнизон.,.
Вот и ответ, за что я не люблю ударных!
За то и не люблю, что это — тоже он.

...Однако вдруг светлей. Но свет такой обманный,
дневной и не дневной... Открылась в небе щель.
Там кто-нибудь живет и ждет гостей незванных.
Не знаю, что теперь?.. Пускай виолончель!..

Как тихо!.. Но вчера казалось — можно тише
и жить, и говорить, и мыслить, и дышать...
Ты думаешь, нельзя?.. Ну что ж, так и запишем:
НАМ ТИШЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ - НАМ НЕКУДА ТИШАТЬ!

Пока еще жива мелодика протеста,
пока еще ведет мелодика любви —
я продолжаю дождь вступлением оркестра,
в нем тысяча стихий — поди останови!

Ни небо, ни земля души в нас не стесняют.
Но хочется понять, откуда в нас душа —
от неба? от земли?
Их дождь соединяет,
и глаз не оторвать — как пара хороша!

Вот случай разорвать круг жизнь окаянной!
Исчезнуть! Воспарить! растаять! упорхнуть!..

Я завершаю дождь как соло фортепьяно...
и долго не могу, заслушавшись, уснуть...

Анастасия ВИНОКУРОВА

Кали-юга

Кали бежала с юга с медной от солнца кожей,
С мёдом арабской речи, льющейся прямо в сердце,
К дому, в котором легче, к мужу, с которым – схожи.
К миру с привычным кругом сонных единоверцев.

Кали вернулась. Разом рухнула в небо полночь:
Здесь – ледяная скука, там – вожделенный берег.
Прошлое длиннoруко: горькое слово «...помнишь?..»
Бешеным дикобразом вертится в подреберье.

Гул крышесносной ночи, пряный тунисский морок,
Губы со вкусом соли в старом автомобиле.
Полно, при чём тут совесть? Кали всего лишь сорок.
Кали всего лишь хочет, чтобы её любили

Жарко и безотчётно – пусть и ни слова правды.
Сон на плохом английском - «...эти глаза – как звёзды!..»
Тот же, кто нынче близко, засуетится справа,
Клюнув неловко в щёку: «Буду сегодня поздно».

Кали бросает мужа, лечит грибок и триппер.
Что за досада – сохнуть в этом нелепом теле!
Соединилось всё в единственном честном всхлипе:
Кали всего лишь нужно, чтобы её хотели,

Чтобы её ласкали – тихо, светло и ясно, –
Гладили по затылку, нежностью убаюкав.
И целовали – пылко. И прижимали – страстно.

«Юга! – бормочет Кали. – Вечного юга, юга!..»

Алена ЗАКАБЛУКОВСКАЯ

* * *

Я кутаю яблони, словно детей готовлю к прогулке неблизкой.
По капельке свет отползает с ветвей вовнутрь оловянного диска,
Плывущего медленно в белой пыли, привычной дорогой, на запад.
А саженцы малые, как журавли, пружиня мосластые лапы,
Того и гляди - упорхнут к облакам, взмахнув на прощанье дерюгой.
Но разве поднимется чья-то рука сдержать их стремление к югу?
Случится такое, я в землю врасту и стану глядеть, обмирая,
Как кустик незрелый курлычет во льду, а сад, словно дикая стая,
Встаёт на крыло и зовёт за кордон. Вот корни, державшие мёртво,
Срываются с дёрна, не чуя урон и в папиной куртке потёртой
Взлетает вожак у села на виду, скрывается прочь за оградой...
Я кутаю яблони в нашем саду. Я, папочка, знаю – так надо.

Борис ПАНКИН

* * *

...что вероятнее и хуже ада

□□□

где тяжело и стрёмно,
где пустота верней.

солнце уйдёт за небо,
свет обернётся тьмой.
господи, как нелепо.
господи, боже мой.

Борис ГРИНБЕРГ

* * *

Снова осень, что значит, что снова вторая строка
станет короче.
Облака вдалеке, там, где в небо впадает река,
вольным стилем плывут. Получается, впрочем, не очень -

полный штиль. Невысокий. Высокий давно сдан в утиль,
выпал из моды...
Закурить и подумать, зачем только небо коптил
аж с семнадцати лет, итого - тридцать лет и три года,

если сверху ни тучки. Ни тучки, ни облачка, ни
пусть даже чайки.
Горожане и ангелы повыключали огни.
Вот и первый прохожий, как пишут поэты – случайный.

Как бы он удивился, узнав что случайный... Хотя,
часом бы раньше -
вот бы шок был, а так... Так - вдали облака шелестят.
Поднимается ветер со стоном обманутой баньши.

Снова осень, что значит, что снова на лето лета
Стали короче...
Но сегодня – почти. Я почти научился летать.
Вечно это «почти». Может завтра. Да нет, завтра – точно...

Михаил ЮДОВСКИЙ

* * *

Ты еще не отпет. Не пытайся себя оплакать,
И долги оплатить, и по новой уйти в бега.
Посмотри, как земную твердь превращая в мякоть,

Из-за пазухи неба сыплются вниз снега.

Став прозрачней и строже, деревья бросают тени,
На путях обозначив границы неровных вех.
И сугробы, лохмато взгорбившись, как ступени,
Простираясь вдаль, незаметно уводят вверх.

Ты еще не отмерен. Не взвешивай раньше срока
Тень родной стороны и чужого пространства свет.
Оттого ли в своем отечестве нет пророка,
Что в самом пророке отечества тоже нет?

Приникает невольно сердце к иным просторам,
Исповедуясь тишине неродных полей,
И глядится вверх, с удивленьем молясь соборам
Уходящих в небо готических тополей.

Ты не знаешь конца пути, позабыв начало,
Размотав клубок и порвав ненароком нить.
Человеческой жизни, видимо, слишком мало,
Чтоб однажды себя понять и себя простить.

В наступивших сумерках ты обернешься слепо,
Поглядев назад и следы различив с трудом.
И среди бездомья покажется домом небо,
Как среди безнебья небом казался дом.

Светлана ЧЕРНЫШОВА

Одинокий гвардии капитан познакомится

Первой своей он читал с угловатым шармом
запредельных Рильке и Мандельштама,
ревновал к декану, возбуждался, злился,
поцарапав лицо о пупочный пирсинг,

вниз лицом на её окровавленном животе
лежал, как солдат на занятой высоте.

Но мельчает Рильке, Мандельштаму - тесно
в женском скудомыслии-редколесье,
к тому же, она целовала шарпея в слюнявую морду,
а капитан, увы, был брезглив от природы...

Со второй было холодно, сумрачно изначально

после мелочной ссоры неделю молчали,
и опасность жила в молчаливой неделе,
неусыпная, будто в Аргунском ущелье,

её зевающий рот
напоминал дзот.

Потому никогда
ни тверёзым, ни пьяным в дым
капитан не рассказывал им:

Нет прощенья, вины. Нет ни рая, ни ада.
есть заутренний миг – звон лозы виноградной
просторечный восторг родника,
сон камней в желторотом пуху эдельвейсов,
в тишине этой смертной - в кого ты ни целься –
обязательно дрогнет рука.

Капитану не спится, ночь змеится, двоится,
воронёная осень в окне серебрится,
и, в лицо ударяя, царапает больно
ветер оцинкованный колокольный,
оглушает, бьёт ледяным огнём...

Не по нём ли колокол,
не по нём?

Александр РАШКОВСКИЙ

Всё к лучшему

А если я – умру (читай: дурак),
меня оденут в праздничный наряд,
и скажет речь мой друг мой брат мой враг,
в которой будет всё, что говорят,
что я – такой, сякой и был таков,
других таких поищешь – не найдёшь,
и будет из небесных тайников
идти на землю тихий мокрый дождь.
И станет мир – пускай на полчаса –
хоть чуточку прозрачней и добрей,
какого-нибудь первого числа
в холодном, но прекрасном декабре.
И думать будут люди: вот же чёрт,
за что его от нас (читай: от них)?

И кто-то эти мысли облечёт
в десятки тысяч самых лучших книг.
Вот видишь, всё случается к добру,
так было, есть и, верно, будет впредь.
И если я для этого умру,
то можно иногда и умереть.

Надя ВЕЛЛЕР

Тропа

из темноты хранящей тьму следов
в другую тьму следящую за нами
ведет тропа - рельф ее таков:
бумага ножницы и камень

любой ходок хоть раз ее марал
тянул мешок из кожи да из крови
и резался об острый матерьял
произведенный божию любовью

и кровь текла и кожица рвалась
день изо дня изнашивалась ноша
но никогда не прерывалась связь
меж темным этим будущим - и прошлым

Игорь ЛУКШТ

О квазимодо

горбат и стар благословляя летний жар
сарай кривил хребет в расплавленную синь
о квазимодо
ворчал и слушал как под брюхом небосвода
качались мята зверобой чабрец полынь
резным венцом узорный лист мерцал с ленцой
знобим слегка когда венозные бока
царапал ветер
что навещал забытый край блажен и светел
в зелёных космах шелестя березняка
и лопотал ни с кем на птичьем языке
свирельный бог отшельник гулких пустырей
крылатый странник
арканил облако в воздушной таракани

клонил дыханием татарник да репей

сарай скрипел бурча про нищенский удел
в утробе шмыгали и сено вороша
шуршали мыши
смола слезой текла к дождям сквозила крыша
где гостевали мох лохматый и лишай

о день так мал когда шиповник отдавал
последний свет - всходили две больших звезды
над чёрной степью
как очи Господа – благоговейный лепет
в потёмках полнил полудрёмные сады
вздыхал сенник в астральный вглядываясь лик
молил стропила подпереть до белых мух
ему не к спеху
надежды робкие ворочалась под стрехой
он засыпал и детство грезилось ему

Лариса МАХОТКИНА

* * *

...и вдруг забыться над вещами
Забытыми, из дальней той поры,
Когда меня ничуть не восхищали
Глухие ленинградские дворы.

Дворы глухие были мне родными,
А кто ж дивится прелести родных?..
Я грезила дворами проходными,
У нас в округе не было таких.

Мне представлялись стройные аркады
Не менее, чем арок из пяти;
И тонкая под арками прохлада;
И встречные; и те, с кем по пути;

И солнечные зайчики от окон
На теневых окраинах дворов;
И дальний гул машинного потока –
Орган индустриальных городов...

Теперь не то. Теперь я, как о друге,
Тоскую о дворе своем глухом...

Весь в зайчиках и бликах, как в кольчуге,
Он посреди. И родина кругом.

Сергей ШИРЧКОВ

Замки

Он отравлен бензолом,
он ночью блюёт в Оку
и красуется швами в грязи и монтажной пене.
Этот город не слышит, как я прихожу к замку
и зачем-то считаю
сосчитанные ступени.
А замок с перепуга почти матерится: «щёлк!»
/надо новый поставить, да мешкаю вот лет сто уж/,
в этом хаосе взглядов, теней и небритых щёк
можно жить, только если
дежурит знакомый сторож.
В южной комнате полночь, и люстра висит, как мышь;
из игрушечной кухни навстречу идёт стряпуха,
в недобитом кувшине томится рогоз-камыш,
начинённый стихами...
стихами белее пуха.
Здесь не то чтобы сказка, но воздух не ядовит,
и не то чтобы воля, но выбор не так уж важен.
Оклемавшийся город за шторами рот кривит,
насосавшись лекарства
из тёплых замочных скважин.

Майя ШВАРЦМАН

* * *

Приятно туристом бродить наугад,
как палец блуждает страницами книжными,
идти, попирая имбирь и мускат
опавшей листвы на холодном булыжнике.

Держа на уме, как просфору во рту,
возлюбленных строк стихотворные святцы,
на Гиссельбергштрассе свернуть в темноту,
но всё ещё медлить и не приближаться.

Кто б знал этот адрес, кто чтил бы теперь

невидного дома карнизы и плинтусы,
когда бы отсюда, расплавивши дверь,
не вырвался русский грохочущий синтаксис.

«Здесь жил...», разгораясь поэзией впрок,
снимавший мансарду ли, комнаты угол,
сожжённый смятеньем и сам как ожог
скуластый философ с губами как уголь.

Не всё ли равно нам, столетье спустя,
была, не была ли у чаеторговца
на выданье дочка, – причины пустяк
ушёл в примечанья и лёг как придётся.

Под крышей вскипев, как под крышкой котла,
сглотнула ступенек суставы артрозные,
и вынеслась вон, раскалясь добела,
любовная первая страсть студиозуса.

Любовь разрасталась и, расколыхав
рыданьем гортань, поперхнулась приличьями
и хлынула в город горячкой стиха,
бруски мостовой превращая в горчичники.

Добротным декором его окружал
квартал, досаждая своими услугами,
таращился оком совиным вокзал,
ворочались лавки со снедью упругою.

Под тёплой корицей коричневых крыш
качался кондитерской вывески бретцель,
процентные банки сулили барыш
и высился корпус университетский.

От зноя бульвары свернулись в кольцо,
а кирхи и кухни до ороговенья
застыли под облачным душным чепцом
в апатии средневековой мигрени.

Он шлялся до ночи. Как псы, допоздна
калитки лениво засовами клацали
на звук его бега. Болталась луна
латунной медалью у неба на лацкане.

Всё было им смято и уценено.
Минувшее было захвачено смерчем и

скручено в узел, и умерщвлено,
и душу хлестало жгутом гуттаперчевым.

К утру миновал наваждения вихрь.
В испарине звуков, очнувшись от приступа,
он вынырнул из помрачений своих,
собрал на пожарище угли – и выстоял.

Он взял этот город, затерянный средь
других, словно крестик на вышивке фартука,
и запер его в стихотворную клеть
бесценным трофеем под именем «Марбурга».

Елена КРЮКОВА

Эмегельчин Ээрен. Дух продолжения рода

Черная кошка — ночь — свернулась вверху бытия.
Желтым злым медом текут глаза ея.
Она запускает когти елей и кедров в тела
Сладких форелей. Горящий ручей течет оттуда, где мгла.
Земля жжет босую пятку. В ночи земля отдает тепло.
В юрте две жирных бараньих свечи коптят, чадят тяжело.

Закрой глаза. Секунда — век. Закрой — и уже зима.
В юрте предсмертно кричит человек. Зверем сходит с ума.
В юрте — стоны, крики, возня. В зубах зажат амулет.
Ноги роженицы, как ухват, держат бешеный свет.
Тот, кого нет, ломает мрак, сквозь родовые пути
Продирается, сквозь лай собак: до холода, до кости.
Обнимает голову тьма. Луковицу — земля.
Винтись, грызись, - так входят тела в тебя, земная зима.
Зубья красны. Кровавы хвощи. Пещера: звездами — соль...
Дави, бейся рыбой, слепни, - ищи! - пробейся наружу, боль!

Тебя не ждали на этой земле. Тебя не звали сюда.
Плыви, червяк, голомянка, во мгле. Хрустальна небес вода.
Раздвинулись скалы. И хлынул свет. И выметалась икра
Слепящих планет!
Но тебя уже нет —
Там, в небе, где звезд игра!

Плачь, мать! Прижимай пирожок к груди! Сама месила его!
По юрте — снега.
По юрте — дожди.

Небесное торжество.

Ты рыбу жизни словила опять. Кто ей приготовит — нож?!
Ты выткала звездами полог, мать. Ты завтра в степи умрешь.

Но сын созвездья твои прочтет на черной глади ковра:
Вот Конь, вот Охотник, вот Ледоход,
Вот Смерти свистит Дыра.

А в самом зените — Кол Золотой отец крепко в матерь вбил:
Чтоб род продолжался его святой,
Чтоб тяжко качался живот над пятой...

...чтоб старой елью, слепой, седой,
Все помнила, как любил.

Игорь ЛУКШТ

Шелест ветра

В краю, где в чести достархан и коран,
где льдами сверкают Небесные горы,
свой короб ещё не открыла Пандора,
и мир архаичен, скуласт, первоздан.
Там, в детстве азийском, как сон, безмятежном,
щербетное лето и матери нежность,
знакомый чайханщик, базар да казан.
А в утреннем парке, лучами согрет,
картавит арык, терпелив и смиренен,
и каплет на кипы лиловой сирени,
кораллово-розов, диковинный свет.
Там в сумерках ранних рассветной нирваны
над озером горным текучи туманы,
и времени нет...
Там лбы обжигает полуденный зной,
дыханье песков раскалённой пустыни
несут суховеи в барханной гордыне,
в их шелесте – хриплый напев горловой,
поверья седые о жизни, о смерти,
о битве и небе... И беркуты чертят
в потоках круги над моей головой...
И матери голос, и шорох страниц -
кочевников древние кличи ли, притчи ль,
и эпос суровый, и старый обычай...
Путь звёздный омыт молоком кобылиц,

бредут облака, как овечьи отары,
о дружбе поёт манасчи сухопарый,
как плод, смуглолиц...

Но век изувечен, прими и трезвей,
дурманным вином межусобиц и розни
отравлены недра, и воды, и воздух...
И каменным Янусом, неба немей,
Евразии сторож – двуглавая птица -
в смятенье и скорби глядит сквозь границы
в бескрайний простор азиатских степей,
где в смене эпох полыхает мятеж
и грозные армии широкоскулых
раскосых племён, покидая аулы,
встают на голодный кровавый рубеж,
мечты о земле и достатке лелея...
Над миром тревожная тень Водолея
и трепет надежд...

Сергей ШИРЧКОВ

Муха

ты хочешь выжить,
ты лезешь выше,
а снизу тянут за край плаща...

ночами снятся такие крыши,
с которых надо кричать «прощай».
вдруг замолкаешь на полуслове,
соображаешь, дай бог, на треть,
а в мягких пальцах так мало крови,
что ими кружку не рассмотреть.

на тумбе пусто, в гортани сухо
и еле-еле жужжит окно.
ты понимаешь: вот сдохнет муха –
и сразу станет
совсем темно.

Александр СПАРБЕР

Трава-вода

трава-вода вода-трава и снова
дождь скачет миллионом круглых тел
и жалкое потерянное слово
скитается и плачет в темноте
в кротовые заглядывает норы
мышиные лазы и там в ночи
дурацкие заводит разговоры
об истине не надо помолчи
но ливень ливень пальцами косыми
отстукивает такт раз-два раз-два
но женщина но это имя имя
трава-вода трава-вода трава

Егор МИРНЫЙ

Живая

прости меня – я жив
тебя живой не помню
рукой лишённой жил
перебираешь комья
замёрзшей темноты
и пальцы багровеют
огромные цветы
над нами тяжелеют
скажи в последний раз
колодезное слово
нас вынесет за край
бессмертия любого
нас вынесет на свет
топорный огнецветный
и кто из нас мертвей
тот выживет наверно

* * *

мужчина пьян мужчина торжествует
сквозь хищный ветер ядовитый дёрн
он женщину ведёт как неживую
живую к неживой воде ведёт

исправно приближающие гибель
они проходят голод и гранит
пред ними разверзаются могилы
пустые как и всё что говорит

мужчина /он той женщиной одарен/
ожогами дымящими пропах
как будто он совсем ещё недавно
с её душой горячей переспал

* * *

и ничем себя мне не отмыть.

маковые горы, жар и пекло,
заросли, полынные холмы -
что ещё прошли мы? что отпели?

ничего. а надо ли сказать,
как раскалена была планета?
что я помню? запахи, глаза
и полынь, подёрнутую светом,

только это. это только лишь.
смерть привычна. речь моя пустынна.

что ты там такое говоришь,
отчего мне трепетно и стыдно?

... И ПОСЛЕСЛОВИЕ К ТОПУ

Борис ПАСТЕРНАК

* * *

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.
- Поздно, высплюсь, чем свет перечту и пойму.
А пока не разбудят, любимую трогать
Так, как мне, не дано никому.

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью
Трогал так, как трагедией трогают зал.
Поцелуй был как лето. Он медлил и медлил,
Лишь потом разражалась гроза.

Пил, как птицы. Тянул до потери сознанья.
Звезды долго горлом текут в пищевод,

Соловьи же заводят глаза с содроганьем,
Осушая по капле ночной небосвод.

1918.